

Родиться Николаем Воронцовым

Е.В. РАМЕНСКИЙ

Независимый исследователь, Москва, Россия; anelya.ramensky@gmail.com

В статье рассматриваются важнейшие вехи биографии Н.Н. Воронцова. Автор предпринял попытку проследить происхождение и среду становления крупного ученого. Отмечено увлечение молодого зоолога генетикой. Подчеркнута роль Ляпуновых в становлении биолога. Особое внимание уделено работе Н.Н. Воронцова во главе Природоохраны СССР.

Ключевые слова: Н.Н. Воронцов, история биологии, история генетики, Министерство природопользования и охраны окружающей среды СССР.

Воронцовым нужно не только родиться. Им еще следует стать. Одних лишь генов недостаточно. Нужна благоприятная окружающая среда и много усилий. Особенно важны детские годы. Наш крупный генетик В.П. Эфроимсон писал, что главное внимание следует уделять не университетам, а детским садам. Нужно как можно раньше увидеть в детях блестящие таланты и помочь им развиваться. Мама Коли и другие увидели их.

О своем университетском друге зоолог А.В. Яблоков сказал: «Николай Николаевич Воронцов был звездой первой величины на небосклоне мировой териологии (это наука о млекопитающих), эволюционной морфологии, систематики и цитогенетики, выдающимся организатором отечественной биологии и исторически значимым политическим деятелем». Я не вижу здесь преувеличений.

Николай Воронцов — сын XX в. Он родился в Москве в 1934 г. и скончался здесь же в 2000-м. Но ареной его трудов станет весь Советский Союз, да и весь мир.

Как младшему сверстнику мне довелось наблюдать Николая Воронцова в Московском университете. И потом вместе работать, будучи помощником министра. Тогда Николай Николаевич Воронцов возглавлял природоохранное ведомство. Но о его ранних годах я до поры не знал ничего. Николай Николаевич рассказал «о времени и о себе» в записках «Воспоминания и размышления». Они вышли в 2017 г. Книгу издала его соратница, подруга и жена Елена Алексеевна Ляпунова.

Как много из описанных событий перекликается и с моим опытом, и с жизнью нашей семьи!

Н.Н. Воронцов был носителем «цветущей сложности», личностью творческой. В том смысле, как это понимал социолог Д. Дондурей. Да, биологам известно: не всякая эволюция прогрессивна. Николай был богато одарен. Выразительная внешность. Хороший рост. Кудрявая густая шевелюра и абсолютный слух, унаследованные от обоих родителей. Прекрасный красивый голос. Безотказная память. Жажда знаний. Жизненный азарт. Николай Воронцов даже колебался: а не поступить ли после университета в консерваторию?

Возник вопрос и у меня. Как вундеркинд сумел осуществиться в непростой жизни? Как выросший на асфальте московский ребенок стал натуралистом?

Начало

Он жил в XX в., в бурные и трагические годы нашей истории. Отец будущего биолога, Николай Николаевич Воронцов — старший — выходец из тверской деревни Слобода. Он рано покинул свою крестьянскую семью, переехав в город. Большевиком отец стал еще до революции. Он был участником нескольких партийных съездов и входил в большевистскую номенклатуру.

Мама — одесситка Елизавета Борисовна Вертмюллер. Дочь служащего рано стала сиротой. Но Елизавете Борисовне повезло учиться в немецкой гимназии, а затем получить высшее образование.

Николай Воронцов — старший осваивал по поручению С.М. Кирова апатиты на Кольском полуострове. Помимо ценных генов Воронцов-старший оставит сыну тяжелое наследство. Им станет загрязнение природы после добычи апатитов. Будущему министру окружающей среды СССР придется разгрести оставленные завалы.

Беспартийная Елизавета Вертмиллер преподавала и служила в советских учреждениях. И даже была учетчицей на продразверстке в деревне. Там она получила тяжелую травму. Насильственная украинизация подтолкнула ее перебраться в Москву. Родители Николая познакомились в 1929 г. Елизавета стала близким другом отца. «Отец, шумный весельчак и балагур, в унтах и собачьем полушубке, прямо с «Полярного экспресса» вваливался в довольно чинную среду Дома ученых и забирал оттуда маму». Это могла быть библиотека или вокальный вечер профессора Доливо-Соботницкого. Мама ездила в Ленинград и в Хибины. Она жила делами отца и помогала ему.

Коля появился на свет в родильном доме «У Грауэрмана» на Арбате. Брак родителей не был официальным. В те годы это было обычным делом. Генетически ребенок стал итогом крутого русско-немецко-еврейского замеса. Революция сильно перемешала различные классы и этносы российской популяции.

Они жили вдвоем с мамой в центре, в коммунальной квартире. Это была улица Мархлевского (Милютинский переулок). У них с мамой-инвалидом был суровый и скудный быт. Но мама умела создать культурную среду. «Папы у меня не было. Был отец, окруженный романтическим ореолом «старого революционера», приезжавший в Москву из многочисленных командировок по стройкам первых пятилеток...»

Ребенок рос, и его мир постоянно расширялся. Коля помнил лошадей в городе. Профессор Воронцов упоминает сокращение популяции воробьев в городе с исчез-

новением навоза. Автомобили вытеснили лошадей. Чем не наши дни, когда это же произошло при распространении в городе рулонных газонов. Ведь они не содержат личинок насекомых, пищи для воробьев.

Колю занимали поездки по первым линиям метрополитена. «Пятнадцать и пятнадцать / Получится один / Не надо волноваться / Не стойте, гражданин», — сочинял детский поэт о тогдашнем 30-копеечном билете в подземке. Воронцов помнил, как девочки прыгали на асфальте, играя в классики, а мальчики гремели подшипниками кустарных самокатов. Он не забыл и испанских детей. Их перевезли в СССР после поражения Испанской республики от диктатора Франко.

Ребенок запомнил даже, как в «ежовщину» 1937–1938 гг. в их подъезде массово исчезали соседи. А у дома круглые сутки топтались энкавэдисты.

«Ежовщина» задела и отца Коли. Тот чудом избежал ареста. «Отца восстановили в партии, но на работе не восстановили. В состоянии безработного отец встретил 22 июня 1941 г.» Елизавета Борисовна сама пыталась устроиться на работу. Честно указав, что муж находится под следствием, она получала отказы.

И тут малыш становится кормильцем семьи. Это началось на прогулке в дни празднования XX лет Октября, в ноябре 1937 г. Кудрявого 3-летнего малыша стал разглядывать, а потом и настырно фотографировать молодой мужчина. Мать разволновалась («Не чекист ли?»). Оказалось — зря. Это был кинорежиссер Юрий Фрадкин. С января 1938 г. ребенка стали снимать как главного героя в «Веселых артистах». Отец еще был под следствием. Тогда решили использовать фамилию матери. Съемки построили как игру. Они воспринимались праздником. Колю сняли и во втором фильме, «В кукольной стране». Его коллегой стала известная актриса Г.С. Кравченко.

Малыша на Мосфильме баловали. Его узнавали на улице. Облик мальчика даже использовали в рекламе. На студии были талоны на обед и огромный по тем временам гонорар. Он-то и стал весомым подспорьем для безработных родителей.

Пробольшевицкая мама не рассказывала сыну сказок. Да они тогда были еще под запретом. Вместе с празднованием новогодней елки. В немногие свободные часы она читала сыну Пушкина. Интересно, что в СССР в 1937 г., как ни странно, пышно и повсеместно отмечали 100-летие гибели (!) поэта.

Первую книгу Коля сам прочел уже в 4-летнем возрасте. Это была «Что я видел» Бориса Житкова. Потом пошли книги о животных В. Бианки, Э. Сетона-Томпсона и Н. Плавильщикова. Прочитанным Коля делился со своим старшим другом и соседом Игорем Мельчуком. Тот станет филологом с мировой известностью.

На даче в Домодедове мальчик впервые увидел лес, огромные муравейники, грибы и белку.

В 1939 г. уже под фамилией отца (стало безопасно) Коля поступил в Гнесинскую школу по классу скрипки. Эта школа сыграет большую роль в его судьбе. Особенно Елена Фабиановна — глава семьи, глава школы. Особняк школы был на Собачьей Площадке, в «уютном уголке исчезнувшей Москвы». Коля стал получать в училище нелишнее подспорье, маленькую стипендию. Предвоенные занятия музыкой шли успешно. По окончании второго класса Е.Ф. Гнесина подарила юному музыканту «Жизнь животных» (для детей) А. Брема и путеводитель по Московскому зоопарку. Как в воду глядела! Это были первые Колины книги по зоологии. С ними мальчик не расставался. С ними он уехал в эвакуацию. Кино и музыка сделались ранней прививкой искусства. Они же приучали к труду.

В Елатье

После нападения Гитлера на СССР отец, несмотря на больное сердце, ушел воевать добровольцем. Погиб старший единокровный брат Коли, летчик. Жившую на Украине тетю Женю, записанную еврейкой, убили гитлеровцы.

Детей Гнесинской школы отправили по Оке до пристани Елатьяма. Мама присоединилась позже. Сначала они с мамой жили в избе у Кашириных (вспомним деда Каширина у М. Горького). Жили с козами, овцами и курами. «Понаехавших» здесь именовали «куированными». Мы, московские беженцы, стали на Урале, в Кунгуре (вместе с моей бабушкой) «выковыренными». А это был ее родной город!

Елатью Воронцов считал своей второй родиной. Здесь он провел 3 года, с 7 до 10 лет. Это время очень существенно в жизни ребенка. Мальчик погрузился здесь в жизнь сельской и деревенской России. Он начал терять свои «столично-гнесинские привычки».

Сильное впечатление на него произвела встреча осенью 1941 г. Словно ожила картина «Русь уходящая». Старики-слепцы в лаптях с мальчиком-поводырем. Они, сидя у развилки дороги, пели псалмы! В жизни страны это время тоже было небывалым. СССР дорогой ценой научился побеждать лучшую армию мира.

С едой становилось хуже, но для Коли голода не было. Хотя есть хотелось всегда. А вот у мамы, отдававшей хлеб сыну, от голода стали пухнуть ноги. Она устроилась работать библиотекарем в райком партии.

Весной дети отправлялись в луга собирать щавель. Потом искали дикий чеснок. К июлю-августу поспевала ежевика. В августе можно было заготавливать шиповник. Но его Коля сдавал в аптеку на нужды фронта. Мальчик высаживал махорку. Готовую засыпал в кисеты и сдавал в школу с записками для бойцов. Свое скудное городское добро по деревням выменивали на картошку. Летом 1943 и 1944 гг. детей собирали в летний интернат. Там их подкармливали американскими продуктами, получаемыми по ленд-лизу.

Коля записался в библиотеку и много читал. «Всегда со мной был Брем», — вспоминал Воронцов. Мама подарила школьный «Атлас мира». Коля ходил к маме в библиотеку читать газеты. «Мама учила меня читать между строк».

Николай Николаевич Воронцов наблюдал и рано оценил вклад провинциальной интеллигенции. Она еще сохранила традиции земства. Поступив сразу в третий класс, Коля попал к удивительному сельскому учителю Петру Петровичу Петрову. Он писал: «Думаю, что в Москве таких учителей начальной школы не осталось». Сурового вида лицо, ровное обращение. Ни крика, ни восторженности. Он учил еще до Первой мировой войны. Доработав до 50-х гг., Петров был награжден орденом Ленина.

У вдовы-старушки земского интеллигента сохранилась большая дореволюционная библиотека. Там был «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона, «Библия» с гравюрами Г. Доре, «Всемирная география» и многое другое.

На песчаных пляжах Оки мальчик собирал окаменелости. У Коли собралось 12 ящичков палеонтологической коллекции. Это были белемниты, брахиоподы, один отпечаток аммонита и кремниевый наконечник стрелы времен неолита. Разобраться в находках помогли в краеведческом музее. Николай Николаевич провозносит похвальное слово труженикам краеведческих музеев.

Уездные музеи возникли еще до революции. Они собрали замечательные зоологические, геологические, палеонтологические и археологические экспонаты.

В 30-е гг. краеведческие журналы были закрыты. Краеведение как науку упразднили. «Мы много болтаем о любви к Родине. А она дается не столько пресловутым военно-патриотическим, нередко милитаристским, сколько краеведческим естественно-историческим воспитанием». Люби и знай свой край родной! — сказал бы я.

Снова Москва

В Москву Коля вернулся с большим запасом знаний. Он решил, что станет либо зоологом, либо путешественником. Был 1944 г. Приехать в столицу можно было только с вызовом. Вызов прислала Е.Ф. Гнесина. Но московская комната была незаконно занята. Обитали либо у Мельчуков, или в Гнесинском училище. Гарик Мельчук быстро отучил Колю от елатомских: «А чо? Накой?» В столице с едой было много лучше. Но когда комнату освободили, из столицы стали выселять немцев. А Коля с мамой числились немцами. Грозил высылка в Караганду. Там погибнет высланный как немец дядя Леонид Вертмиллер, разнорабочий. От Караганды опять спасла Елена Фабиановна, депутат и ленинский орденосец. Позже она добьется для своих ребят-музыкантов (включая Колю) продуктовых карточек нерядового разряда («литер Б»).

А в Москве гремели салюты. Отменили затемнение. Праздновали Победу. С союзниками еще дружили. Но уже зрели новые кампании борьбы с «безродными космополитами», выявления «врачей-убийц». Накатывала волна послевоенных арестов.

Колина (разумеется, мужская) общеобразовательная школа № 276 располагалась в Милютинском переулке. Она носила на себе следы войны. Учились в три смены. Кругом была безотцовщина. Полуголодное существование. Хулиганство. Пьянство. Все это сказывалось на детях. В школе царили бурсацкие дикие нравы. При этом Воронцов тепло вспоминал своих одноклассников и учителей. А особенно фронтовика Николая Михайловича Григорьева. Тот приводил в чувство мальчишек, «срывающихся» с уроков. Григорьев был единственным непререкаемым авторитетом (со своей «неканонической» педагогикой).

Очевидно, тогда, подростком, Коля Воронцов и начал курить. Он ведь был «ранний», младше других в школе, а потом и в университете. Рискну предположить — Коля хотел показать, что он не «домашний», «ботан», а свой, настоящий, мужественный зоолог и путешественник.

«Жили мы на мамину пенсию, мою стипендию в Гнесинской школе. Стал присылать деньги объявившийся после войны отец. Но и он долгое время после фронта был без работы. Потом стал прорабом. У него образовалась другая семья...» Заработки Елизаветы Борисовны первое время были случайны. В старших классах Коля стал отличником и сам начал давать уроки.

КЮБЗ

Чтения книг по зоологии было недостаточно. Летние месяцы 1946 г. подросток стал проводить в зоопарке. Хотелось общения с животными. «Вскоре я стал членом Кругжа юных биологов зоопарка (КЮБЗа). Стал пропадать там не только в каникулярные и

выходные дни, но и в дни занятий...» Коля выбрал себе наблюдение за копытными. «Как-то раз мой учитель по классу скрипки, знавший о моих натуралистических увлечениях, попросил меня вынуть солому из шевелюры». Но это была судьба. Теряя музыкальную карьеру, он обрел право свободно войти к животным в вольеру.

Подростково-детскую республику, КЮБЗ, основал Михаил Михайлович Завадовский в 1924 г. Тогда он называл себя «почкой от Кольцова». Завадовский был из старшего поколения учеников великого биолога Николая Кольцова. Завадовский возглавил и преобразовал зоопарк. Первые кюбзовцы успели побыть скаутами! Их рыцарские традиции дожили до послевоенных лет. С приходом в КЮБЗ Петра Петровича Смолина кружок превратился в «истинную школу» послевоенного поколения натуралистов. Воронцов убеждает нас: имя Смолина заслуживает славы великих педагогов Макаренко и Сухомлинского. На нашем биолого-почвенном факультете университета «кюбзА» училась не только на полевых кафедрах. Это были ребята и девушки, уже получившие азы профессии.

«От молодых ногтей» Коля не принимал лысенковщины. Ведь он был кюбзовцем! После сессии ВАСХНИЛ 1948 г. лысенковцы изгоняли с работы не одних генетиков. С биофака вместе с другими уволили академиков М.М. Завадовского и И.И. Шмальгаузена. Выгнали и «великого натуралиста нашего века А.Н. Формозова». «На его книгах, — пишет Воронцов, — воспитывалось все наше поколение юннатов. Поэтому ни о какой справедливости и ни о какой вере в лысенковщину не могло быть и речи». 16-летний Николай Воронцов поступает на биофак университета.

Университет

Лысенковцы, оккупировавшие факультет, как правило, не замахивались на классические дисциплины. Николай Воронцов «добирал» запретные знания вне стен университета. Ведь без генетики и общей биологии науки о жизни были ущербны. Блестящий юноша возглавляет Научное студенческое общество факультета. Свои первые научные работы он публикует еще студентом. Наша будущая однокурсница Э. Каляева входила в школьный кружок на кафедре зоологии позвоночных. Она вспоминала: «Наш 20-летний учитель стал для нас проводником научных традиций, официально запрещенных после разгрома отечественной биологии в 1948 г.». Николай становится ключевой фигурой и в домашнем биологическом кружке профессора университета, математика Алексея Андреевича Ляпунова. С молодых лет тот был связан с генетикой и интересовался биологией. Он учил зоолога азбуке генетики. Две дочери Алексея Андреевича, Елена и Наталья, были студентками нашего курса. Николай вошел в семью Ляпуновых, став мужем Ляли. Он на годы попадает в морально-этическое поле этого выдающегося ученого-интеллекта.

Советская власть до дрожи боялась домашних кружков. После выступления на нем Н.В. Тимофеева-Ресовского в декабре 1955 г. тот запрещают. С заседанием партбюро, комсомольским собранием, выговорами. Трагическому исходу событий помешал антисталинский XX съезд партии. Он проходил в февральские дни 1956 г. Одним из итогов комсомольского собрания стал запрет декана. По окончании с отличием Московского университета Воронцову нельзя было появляться на биофаке.

Ленинград

В Ленинграде, подальше от властей, биологи дышали вольнее. Николай Воронцов становится там аспирантом Зоологического института Академии наук, а Елена Ляпунова студенткой Ленинградского университета.

Рис. 1. Н.Н. Воронцов и Е.А. Ляпунова. Ленинград, 1957 г.
(фотография из личного архива Е.А. Ляпуновой)

Fig. 1. N.N. Vorontsov and E.A. Lyapunova. Leningrad, 1957.
(photo from the personal archive of E.A. Lyapunova)

В это время в ЗИНе было много яркой молодежи. Воронцов непрерывно учится. Он впитывает все полезное. Работу молодого ученого отличала почти немецкая педантичность. В ЗИНе Воронцов провел 8 плодотворнейших лет. Зоолог выполнил здесь свои основные работы по морфологии млекопитающих. Он приходит к выводу о неравномерности скоростей эволюционного преобразования органов. Он подчеркивает принцип компенсации их функций. Воронцов начинает работы по применению генетических подходов к систематике. Ученый опирается на собственную теорию видообразования, кариосистематику млекопитающих. Уже в 1958 г. на эту тему появляется его обзор.

Еще раньше озабоченный ученый публикует в «Ленинградской правде» публицистическую статью. Это первая (!) в Союзе статья о биологическом влиянии ядерных взрывов. Через 6 лет, в 1963 г., «Известия» напечатают статью Воронцова и академика В.А. Энгельгардта. Тема: «Ядерные испытания и здоровье людей». В это же время в Москве Николай Николаевич читает курсы общей биологии и теории эволюции. В институте создают медбиофак. Из его стен выходит целое поколение исследователей. До аудиторий 2-го Московского медицинского института и физфака университета рука «народного академика» уже не дотягивалась. Позже на основе лекций Воронцов создаст школьный учебник «Общая биология». Эти дерзкие шаги Николай Николаевич делает на мрачном фоне средневековой лысенковщины. Не надо забывать и о поддержке Т.Д. Лысенко сверху, генсеком Н.С. Хрущевым.

Рис. 2. Н.Н. Воронцов в Зоологическом институте АН СССР. Ленинград, 1958 г.
(фотография из личного архива Е.А. Ляпуновой)

Fig. 2. N.N. Vorontsov at the Zoological Institute of the USSR Academy of Sciences. Leningrad, 1958 (photo from the personal archive of E.A. Lyapunova)

Конец эпохи Лысенко и Академгородок

В 1965 г., после отставки Н.С. Хрущева, кончилась и почти 25-летняя лысенковщина. Открылись новые возможности. Но они требовали огромных усилий. Предстояла просветительская работа, преодоление биологического невежества. Воронцов работает в Институте цитологии и генетики в Новосибирске. Здесь продолжается «золотое время» в его научной работе. Этому способствует сильная профессиональная среда института. Ученый создает группу эволюционной кариосистематики. Несмотря на малочисленность, она делается признанным в Союзе лидером. Изучается биологическое разнообразие и механизмы образования видов животных. Николай Николаевич становится и ученым секретарем Сибирского отделения АН СССР. СО АН во главе с академиком М.А. Лаврентьевым борется против загрязнения Байкала. Биолог, «прикормленный» Байкальским целлюлозным комбинатом, убеждал: «Стоки чисты, ведь в них обитают даже раки-бокоплавцы». Воронцов вылавливает и определяет вид-индикатор. Оказалось, что этот вид — исключение среди бокоплавов. Он как раз обитает в загрязненных водах. Борьба была тяжелой.

Николай Николаевич примыкает к противникам переброски сибирских рек на юг. Как поведет себя при этом природа — неизвестно. А риск огромен. Это были первые крупные выступления Воронцова-государственника.

Рис. 3. Н.Н. Воронцов. Москва, 1975 г.
(фотография из личного архива Е.А. Ляпуновой)

Fig. 3. N.N. Vorontsov. Moscow, 1975.
(photo from the personal archive of E.A. Lyapunova)

Дальний Восток и дальше

Следующим местом работы Николая Николаевича стал Владивосток. Его назначили директором института. Это был сонный провинциальный Биолого-почвенный институт. Директор затеял научные семинары и конференции. Он в корне перестроил библиотечное дело. Начались приглашения ярких отечественных исследователей. Студенты и научная молодежь с восторгом принимали новое. Поражало, как много способен сделать один человек за короткое время. Но краевым властям он не нравился — был редким гостем в их высоких кабинетах. Ему пришлось покинуть институт и вернуться в столицу. Воронцов становится сотрудником бывшего Кольцовского института.

В 1986 г., на VIII Кольцовских чтениях, Николай Николаевич рассказал о жизни и трудах нашего великого биолога. Удивительно, как ясен и прозорлив взгляд профессора Воронцова! Очень точно и трезво он оценивал и свой дар.

Ученик Николая Николаевича, а теперь парижский профессор В.Т. Волобуев назвал Воронцова «нашим великим современником». А тот сравнивал больших ученых с композиторами. Давало о себе знать музыкальное прошлое. Николай Николаевич подчеркивал необходимую роль исполнителей. В зависимости от таланта она может быть очень большой или малой. «Композиторов» — носителей больших идей можно по пальцам перечислить. «Себя Николай Николаевич относил к исполнителям», — вспоминает Волобуев.

Николай Воронцов умел находить с людьми общий язык. Он был любящим мужем и отцом. Азартный, смелый и остроумный человек, он прекрасно выступал. Неповторимо звучал его сильный и красивый баритон.

Почему же такая яркая личность, блистательный исследователь, не стал у нас членом АН СССР? Николай Воронцов знал себе цену. Порой, особенно в молодости, он не скрывал превосходства. Вот один из примеров его злого языка. Шел 1991 г. Он задорно пошутил в адрес свояка, профессора Юрия Федоровича Богданова: «Воронцов лучше Богданова!» Николай Николаевич только что опередил

на выборах своего соперника, генерала МВД Богданова. В молодости шутки были злее. Поговаривали: «Потому и не член АН СССР».

Николай Воронцов словно бы готовился возглавить природоохранное ведомство огромной страны. Биолог изучил ее от западных границ до Дальнего Востока. Он годами успел поработать в академических институтах Москвы, Ленинграда, Новосибирска и Владивостока. О себе ученый писал: «Мне посчастливилось быть учеником разных зоологических, генетических и эволюционных школ обеих наших столиц». Его широкая эрудиция и обширные академические знания были помножены на участие в 44 экспедициях с огромными маршрутами. В них изучали грызунов как индикаторные виды. Но при этом не обходили и иные объекты.

Глава природоохранного ведомства

С 1972 г. в нашей стране пришли к необходимости уполномоченного органа охраны природы. Сначала создание ведомства «зарубили» в ЦК. В 1986 г. грянула Чернобыльская катастрофа. Она подтолкнула к учреждению природоохранного ведомства. За его создание в новом ЦК выступали генсек М.С. Горбачев и Е.К. Лигачев. Недолгое время во главе Комитета стоял бывший агроном и секретарь Полтавского обкома партии Ф.Т. Моргун.

Весной 1989 г. в СССР прошли первые свободные выборы народных депутатов. Николая Николаевича Воронцова избрали от «научной курии». Волна демократизации подняла его на пост главы природоохранного ведомства. В августе 1989 г. он становится первым советским беспартийным министром! На его долю выпало начать расчистку завалов, накопленных поколением отцов. За спиной были пятилетки индустриализации и «атомной эры».

В здании Комитета на улице Неждановой (Брюсов переулок) Николаю Николаевичу, возможно, было неуютно в незнакомой чиновничьей среде. Воронцов обзаводится помощниками-биологами. Первым он пригласил к себе Геннадия Тимофеевича Воронова. Воронова «сосватал» его бывший сокурсник, известный зоолог и биофизик Б.Н. Вепринцев. Геннадий Тимофеевич был заметно старше министра. Но оба следовали «экологическому императиву». Крупный управленец занимался у председателя Совета Министров А.Н. Косыгина научными учреждениями. Слова «чиновник» он не любил. У Воронцова он отвечал за связи с «высшими сферами». Геннадий Тимофеевич знал себе цену и всегда имел собственное мнение. Мы сдружились. Про себя я называл коллегу «Горизонтом Тимофеевичем». Геннадий Тимофеевич успешно выполнил одно из первых заданий министра. Нужно было подготовить награды генетикам. В объяснительной записке на имя Президента СССР была обоснована необходимость их государственного поощрения.

Ученые классической школы пережили лысенковские гонения, но не изменили своему долгу. Они выжили и победили. Орденами СССР были награждены 100 человек. Семеро из них стали Героями Социалистического Труда. В награждении участвовал сам М.С. Горбачев.

Я появился у Николая Николаевича чуть позже. Меня Николай Воронцов знал как единомышленника, слушателя выступления Н.В. Тимофеева-Ресовского дома у Ляпуновых. Мы, не сговариваясь с министром, отказались от «ты». И стали на-

зывать друг друга по имени-отчеству. Затем у Н.Н. Воронцова появились биологи и среди заместителей министра. Первым стал бывший сотрудник, биофизик Александр Базыкин. Он отвечал за мониторинг окружающей природной среды.

Чтобы охранять природу, ее надо знать. Возглавив ведомство, Воронцов начал с инвентаризации. Доставшееся Николаю Николаевичу хозяйство было огромно.

Впервые стали готовить «Доклад о состоянии природной среды СССР». Его составляли десятки ученых и практиков. Воронцов самокритично предпочел опереться на коллективный разум. В свою очередь научное сообщество доверяло видному экологу профессору Воронцову. С ним охотно сотрудничали: писатель и эколог С.П. Залыгин, академики Н.Н. Моисеев, А.Л. Яншин, И.В. Петрянов-Соколов и другие ученые.

Известно, что главным охраняемым объектом природы должны быть не тигры, а микробное сообщество почв. Именно микроорганизмы «вращают» циклы элементов-органогенов, поддерживая жизнь на планете. Это углерод, азот, фосфор... Николай Николаевич приглашает себе в заместители крупнейшего микробиолога-природоведа. И академик А.А. Заварзин соглашается!

Отечественное наследие в области экологии было достаточно велико. Но по части экологического права и гласности мы отставали на десятки лет. Были подготовлены «Закон об охране окружающей природной среды» и «Закон об особо охраняемых природных территориях». К заповедникам и их людям Николай Воронцов относился особенно нежно. Он видел в них необходимый «контроль» за изменениями окружающей среды, творимых *Homo sapiens* (человек и вправду разумен?). При Воронцове увеличилась площадь заповедников и выросла зарплата природоохранников.

Многое наметили в рамках задуманной М.С. Горбачевым конверсии. Решили применить производственные мощности и научно-инженерную мысль ВПК для нужд природоохраны. В первую очередь разработать аппаратуру слежения за окружающей средой. С деньгами было туго, и Г.Т. Воронов добился привлечения итальянских инвестиций. Генерал В.А. Джанибеков, космонавт, обещал поддержку своего ведомства.

Комитет поддерживал развитие природоохранной сети на местах, собирал силы ученых и практиков. С мест потоком шли новые предложения. Воронцова знали и за рубежом. При нем началось и широкое международное экологическое сотрудничество нашей страны. Он был членом нескольких зарубежных академий и лауреатом ряда международных наград. Самой заметной из них стала Международная экологическая премия Общества имени Макса Планка.

В 1990 г. видный политик Воронцов стал участником морской экспедиции на Муруроа. Франция готовилась проводить там ядерные испытания. Полная приключений антиядерная экспедиция закончилась арестом участников. Но через 9 дней после ареста президент Франции отказался от испытаний. Он присоединился к российскому мораторию на ядерные испытания.

Но не все шло гладко. Николаю Николаевичу постоянно приходилось испытывать давление на ведомство и на себя лично. С одной стороны, это были противники нового. С другой — враги «имперского центра». А Воронцов очень хорошо понимал неделимость, независимость природной среды от политических границ. Животные и растения, а тем более загрязнения, тоже не догадываются, что «граница на замке».

Министр не забывал и общественных дел. Оставаясь ученым, он поддерживал библиотеки. В министерстве была создана портретная галерея видных российских природоохранников. Воронцов добился возрождения храма Косьмы и Дамиана на Советской площади.

На посту главы Комитета, а потом и министра он поставил себе стратегическую задачу. Нужно было добиться от властей осознания и присутствия экологии в планах развития государства. В верхах стали считаться с новым министром. Дела ведомства явно шли в гору.

И тут у помощника, Г.Т. Воронова возникает предложение о решительной перестройке в работе. Нужно было разделить природопользование и охрану природы. Следовало создать Комитет экологической безопасности и подчинить его напрямую президенту страны, наряду с обороной, МИДом и Комитетом госбезопасности. При этом природопользование следовало оставить в числе иных хозяйственных министерств, подчиненных главе правительства. Сочетать в одном ведомстве две противоположные задачи никак нельзя. Нельзя зайца-пользователя ставить на охрану морковки.

Министра убеждать не пришлось — он и сам думал так же. Убедили президента М.С. Горбачева. Тот вырос на селе и чувствовал свою связь с землей. Но следовало получить визы, поддержку у руководителей республик Союза, а они становились все более «самостийными». Дольше других упирался президент РСФСР Б.Н. Ельцин, который простодушно признавался, что его советник А.В. Яблоков не рекомендовал ему подписывать указ. Какие соображения были у члена-корреспондента АН СССР Яблокова — неясно. Воронцов, друживший с Яблоковым начиная с «зоопарковой юности», был откровенен с «Алешей». А тот зачастую действовал поперек политики министерства. Он настраивал глав природоохранных ведомств республик против «имперского центра».

В середине ноября 1991 г. Президент СССР М.С. Горбачев подписал указ о Межреспубликанском комитете экологической безопасности. Это был серьезный шаг. Наша страна не копировала действия других. Она шла впереди. Дальнейшее известно. Спустя годы после распада Союза эти принципы в неявном и усеченном виде найдут отражение в заявлениях председателя экологического комитета Госдумы Т.В. Злотниковой. Отразятся они и во втором вопросе всероссийского экологического референдума 2000 г.

При Николае Николаевиче Воронцове ведомство охраны природы достигло своей вершины. Однако после распада Союза Николай Воронцов путем интриг был отстранен от руководства природоохранным ведомством. Возобладали «пользователи», далекие от природы. Они «прихватизировали» достижения Воронцова, выдав их за свои.

Прижизненный список работ ученого впечатляет. А сколько рукописей осталось после него! Среди них были и переданные Воронцову для публикации. Елена Алексеевна Ляпунова год за годом их издает.

В последние месяцы Николай Николаевич тяжело болел. В бытность министром его мучительный кашель был слышен из-за двойных дверей, в дальнем коридоре. Замечательную книгу «Развитие эволюционных идей в биологии» он писал, уже боля. Незадолго до ухода из жизни Воронцов крестился. Обряд проводил бывший биолог Александр Борисов, настоятель храма Косьмы и Дамиана. Чего здесь было больше? Традиций или убежденности?

Сделав очень многое, Николай Николаевич словно бы прошел не одну жизнь. А сколько еще было задумано!

Мне когда-то довелось написать: «Не верьте говорящим: “Время Воронцова прошло”. Нет, время воронцовых у нас, да и во всем мире — впереди!»

И правда, в последние годы для работников заповедников учредили стипендию. Она носит имя Николая Воронцова. Ее вручают в торжественной обстановке, на правительственных приемах. «Мотором» этих мероприятий стал известный природоохранник Всеволод Борисович Степаницкий. На Дальнем Востоке национальному парку и заповеднику присвоили имя Воронцова. Это «Земля леопарда». Николай Николаевич Воронцов не ушел из нашей жизни!

Рис. 4. Н.Н. Воронцов с внучкой Кади. 1995 г.
(фотография из личного архива Е.А. Ляпуновой)

Fig. 4. N.N. Vorontsov with his granddaughter Kadi. 1995 г.
(photo from the personal archive of E.A. Lyapunova)

To be born Nikolai Vorontsov

EVGENY V. RAMENSKY

Independent researcher, Moscow, Russia; anelya.ramensky@gmail.com

The paper reviews the most important events in Nikolai Vorontsov's biography, attempting to trace back his origin and milieu in which he became a prominent scientist, emphasizing the young zoologist's passion for genetics and the role of the Lyapunov family in the making of the scientist. Particular attention is given to Vorontsov's work as head of the USSR's environmental protection body.

Keywords: Nikolai Vorontsov, history of biology, history of genetics, USSR Ministry for Nature Management and Environmental Protection Ministry.